

УДК 94(470.620)

О. В. РАТУШНЯК,кандидат исторических наук,
доцент Кубанского
государственного университета**Т. В. РАТУШНЯК,**кандидат исторических наук,
доцент Кубанского
государственного университета**ИСТОРИЯ СТАНИЦЫ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ СТРАНЫ:
СТАНИЦА НЕКРАСОВСКАЯ В 1843–1917 ГОДАХ**

В статье рассматривается развитие одной из типичных линейных станиц Кубанской области, и сквозь ее историю отображаются некоторые особенности истории Российского государства со второй половины XIX века по 1917 год.

Ключевые слова: региональная история, казачья община, землевладение, казаки / иногородние, традиции казаков.

UDK 94(470.620)

O. V. RATUSHNYAK,candidate of Historical sciences,
associate professor
of Kuban State University**T. V. RATUSHNYAK,**candidate of Historical sciences,
associate professor
of Kuban State University**HISTORY OF THE VILLAGE AS A PART OF HISTORY OF THE COUNTRY:
COSSACK VILLAGE NEKRASOVSKAYA IN 1843–1917.**

The article deals with the development of one of the typical Cossack line villages of the Kuban region. Some of special features of the Russian history in the end of XIXth century – 1917 are imaged through the history of the village.

Key words: regional history, Cossack village, Cossack community, land tenure, Cossacks / nonresident, Cossacks traditions.

Составной частью процесса изучения истории России является исследование отдельных населенных пунктов. Именно данный путь – от познания малого к познанию большего – в настоящее время прежде всего помогает сохранять интерес к истории своего Отечества и укреплять патриотические чувства у граждан нашего многонационального государства, то есть решать задачи не только научного, но и воспитательного характера.

Исследование региональной истории (в данном случае – истории южнороссийского казачества) позволяет не только более точно проследить ход и последствия тех или иных событий, происходящих в целом в стране, но и выявить характерные для того или иного населенного пункта, обусловленные рядом факторов, особенности.

Кубанское казачество не было монолитным единым образованием. С 1860 года в Кубанском казачьем войске четко выделились две его составляющие – черноморцы и линейцы.

В данной статье рассматривается развитие одной из типичных линейных станиц Кубанской области и, сквозь ее историю, отображаются некоторые особенности истории Российского государства со второй половины XIX века по 1917 год.

10 февраля 1844 года российский император Николай I своим приказом утвердил название

трех станиц, построенных в низовьях реки Лабы в 1843 году. Станице № 1 присваивалось наименование Воздвиженская, № 2 – Тенгинская и № 3 – Некрасовская [1]. Таким образом, годом основания станицы Некрасовской является 1843 год. Расположена станица недалеко от слияния рек Лабы и Кубани. Свое название она получила от находившегося вблизи старого городища некрасовских казаков (сподвижников одного из руководителей Булавинского восстания 1707–1708 годов – Игната Некрасы) [2].

Первыми поселенцами станицы Некрасовской были казаки Кавказского Линейного казачьего войска, а также представители нижних чинов регулярных войск, зачисленных в казачье сословие (в количестве 200 человек) [3].

Станица застраивалась прямыми широкими улицами, расходящимися от центральной площади. Ее окружали глубокий ров и земляной вал, засаженный колючим кустарником. В нескольких местах вала были ворота, которые охранялись караулом.

В первые годы существования станицы нередким явлением для нее были набеги черкесов. В то время местные жители пели: «Жати-пожати – черкес не видати, сели полудновати – черкесы бегути...». Казаки защищали свои семьи, устраивали засады на незваных гостей.

С каждым годом численность жителей станицы увеличивалась. Происходило это не только путем естественного прироста, но и благодаря правительственным мерам. Казачество нуждалось в людях для несения караульной службы, поэтому в течение нескольких десятилетий проводилось переселение украинских казаков и крестьян из Центральной России на Кубань. В первую очередь переселяли безземельных казаков и имеющих в семьях незамужних женщин, девиц, вдов, способных вступить в брак. Пытаясь увеличить процент женского населения среди переселенцев, высшие власти Кавказа стремились уменьшить количество холостого бездомного казачества (сиромы).

В 1856 году в Некрасовской проживало 1756 человек (972 мужчины и 774 женщины), в 1897 году – 4700 человек [4].

После отмены крепостного права процесс заселения и земледельческого освоения Северного Кавказа продолжался. Однако он был более стихийным и не регламентировался правительством. Безземелье и нужда заставляли крестьян из центральных губерний России покидать родные места. В поисках заработка переселенцы устремлялись на окраины страны в места, где не было помещичьего землевладения и земельной тесноты. Картина заселения станицы Некрасовской была бы неполной, если не сказать о такой категории населения, как «иногородние» (так называли тех, кто не был приписан к казачьему сословию). В 1856 г. число иногородних в станице составляло 11 человек (0,6 % от числа всех жителей). С 1856 по 1917 г. численность не войскового населения станицы увеличилась в 269 раз и составила 2959 человек (43% от числа всех жителей) [5]. Иногородние делились на две группы. Меньшую по численности группу составляли иногородние, не имевшие оседлости. Они находились в тяжелом положении. Были вынуждены жить на квартирах, арендовать частновладельческие земли или наниматься в батраки к станичным богатым. Немногим лучше являлось положение иногородних, имеющих оседлость. Они хотя и приобретали в собственность усадебные постройки с правом потомственного пользования находившейся под этими постройками земли, но за такое пользование платили «посаженную» плату до 10 рублей в год с «каждой трубы» [6].

Военным и административным руководителем станицы был атаман. Он регулировал порядок отбывания казаками военной службы, следил за выполнением всех повинностей. Атаман избирался на три года. Выборы проходили в атаманском правлении. Выдвигались три кандидатуры. Их фамилии помещались на стене. Голосующие ставили подписи под фамилией кандидата. Атаманами всегда выбирали умных, самостоятельных казаков. Известны некоторые фамилии атаманов станицы Некрасовской: Киселев, Вакулин, Воропаев, Семин, Потапов, Авдеев, Збронский.

В соответствии с «Положением об общественном управлении станиц казачьих войск» от 13 мая 1870 года станичное управление в каждом станичном обществе составляли: станичный сбор, атаман, суд [7].

В станичное общество входили все лица войскового сословия, числящиеся в станице и принадлежащих ей поселениях. Станичное правление состояло из атамана, его помощников, казначея и доверенных лиц. В нем велась метрическая книга, книга приговоров станичного сбора и книга взысканий, ведомости поземельных угодий, посемейные списки всех жителей станицы. Бюджет общественных сумм, находившийся в распоряжении станичного правления, формировался из «посаженной» платы с лиц невойскового сословия, с аренды общественной земли, сбора за места на базарной площади, под лавками, мельницами и другими частными постройками. Общественные деньги обычно хранились в церкви. В станице существовал хлебный фонд. Назначаемый правлением человек выдавал бедным казакам зерно, которое они возвращали после сбора урожая.

Станичный сбор формировался из казаков-домохозяев. Старшинство на сборе принадлежало атаману, который отвечал за порядок общего станичного юрта. Он созывал и распускал станичный сбор, производил взыскание долгов, следил за целостностью общественного хлеба, наблюдал за исправным снаряжением казаков на службу. Важнейшие вопросы хозяйственной жизни и быта жителей станицы Некрасовской решались на станичном сборе выборными казаками, имеющими право голоса. Сбор имел право решать вопросы, если он состоял из не менее двух третей выборных лиц.

Станичному суду были подвластны лица как войскового, так и не войскового сословия, временно или постоянно проживающие на землях станичного юрта. Однако, несмотря на существование суда, в станице нередко чинили и самосуд.

Во второй половине XIX века на Кубани складывается казачья земельная община. С самого начала она находилась под строгим контролем войсковой администрации. Для казачьей общины была характерна ярко выраженная сословность. Среди административных лиц общины могли быть только выходцы из «справных» семей или представители офицерства. Это положение закреплялось законодательством. Главной обязанностью казачьих общин по отношению к государству была воинская повинность. Каждый казак, когда ему исполнялось 13 лет, принимал присягу и был обязан являться на строевые занятия в станице и на лагерные сборы. С 21 года казаки отправлялись на четырехлетнюю службу. После ее прохождения они приписывались к полкам и должны были ежегодно (до 38 лет) являться на лагерные сборы и смотры со своим обмундированием и конем. Все это отвлекало казаков от хозяйства.

Особенно тяжело приходилось бедным казачьим семьям. Одно только снаряжение казака на службу стоило в конце XIX века свыше 150 рублей, а в начале XX века – до 250 рублей. С каждым годом станичному обществу приходилось тратить все больше общественных сумм на снаряжение казаков, не имевших возможности сделать это за свой счет. Помимо военной, казаки отбывали и другие – натуральные повинности (квартирную, подворную, караульную и пр.). Они выполняли работы по ремонту и строительству дорог и мостов. Богатые казаки часто откупались от этих работ, перекладывая их на плечи беднейшего казачества и иногородних.

В конце XIX века Некрасовская представляла собой типичную линейную станицу того времени. В центре станицы находилась просторная площадь круглой формы, на которой располагались здание станичного правления, церковь и школа. От площади параллельно друг другу расходились улицы, образуемые дворовыми постройками, имеющими просторные плановые места. Ближе к улице стояли жилые хаты, главным образом турлучные, с камышовой крышей, изредка попадались сделанные из самана. В 1897 году в станице имелись 390 деревянных, 440 турлучных и 284 саманных дома. В 1875 году в Некрасовской открылась церковно-приходская школа. В ней училось 63 человека (60 мальчиков и 3 девочки). В 1880-е годы – казачьи школы для девочек и мальчиков, в 1914 году – мужская гимназия. Для детей иногородних за обучение устанавливалась высокая плата [8].

Важное место в жизни жителей станицы Некрасовской занимала церковь. Напутственным молебном казаков провожали на службу, встречали – благодарственным. Казачьи поселения начинались с закладки храма. Святой, именем которого нарекали храм, считался покровителем станицы. В Некрасовской покровителем был Николай Угодник. Ежегодно в его честь проводились храмовые или престольные праздники. На них собирались и жители соседних станиц и хуторов. Помимо богослужения, предусмотренного церковным уставом, устраивалась общественная трапеза. Всенародно праздновали Святки, Рождество, Масленицу, Пасху, Троицу. Во второй половине XIX века в центре Некрасовской была построена деревянная церковь. В 1900-е годы она сгорела [9], и на ее месте в 1903 году стали строить новую церковь [10]. Храм воздвигался на средства жителей. Фамилия архитектора неизвестна. По словам одних станичников, им был поляк, в свое время построивший церковь в Киеве. Другие рассказывают, что церковь соорудил человек из Харькова по имени Константин. Строительство закончилось в 1908 году. На фотографиях, хранящихся у станичников и в школьном музее, видно, что это был один из красивейших храмов на Кубани. Его строили из красного и желтого кирпича. В раствор добавляли яйца, собранные монахами с каждого двора

станицы. Голубые купола были увенчаны позолоченными крестами. Свято-Никольский храм станицы Некрасовской разрушен в 1939 году.

В 1909 году на 9-ю пятницу от Пасхи в лесу за станицей (в районе нынешнего Газопромысла) произошло «чудо». В роднике, появилась икона Божьей матери (по другим сведениям – Прасковьи Великомученицы). Ее отнесли в церковь, а утром на следующий день вновь обнаружили в роднике. Тогда вокруг родничка выложили колодец. Рядом построили часовню, куда поместили эту икону. Слух о 9-й пятнице стал быстро распространяться. К роднику со святой водой раз в год, на праздник 9-й пятницы, приходили люди со всех уголков страны (были случаи – до 20 тыс. чел.) [11]. Шли пешком. Несли иконы и хоругви. Считалось, что вода из родника проявляла свои целебные свойства именно в этот день. Люди приходили с бутылками, бидончиками, ведрами. 9-я пятница стала одним из больших праздников в Некрасовской. После молебна начинались народные гулянья. Продавали сладости, детей катали на каруселях. Станичное правление устраивало для станичников бесплатное угощение.

Основой экономической жизни станицы было сельское хозяйство. Первоначально в станице Некрасовской, как и на всей Кубани, господствующей отраслью сельскохозяйственного производства являлось экстенсивное животноводство. Наибольшее развитие в дореформенный период получило выращивание овец и крупного рогатого скота. В пореформенное время увеличилось количество рабочего скота. Рос спрос на лошадей, так как они стали основной тягловой силой. А вот количество овец и коз к этому времени сократилось, в связи с ростом цены на землю. Земли стало невыгодно оставлять под пастбища. Постепенно сокращалось и поголовье крупного рогатого скота [12]. Среди причин можно назвать неустойчивость кормовой базы, часто повторяющиеся эпидемии, слабую постановку ветеринарного дела.

Способы обработки земли и орудия труда были самыми примитивными. В первые годы заселения станицы при обилии свободных земель здесь господствовал перелог. Для поднятия целины применялся неуклюжий, тяжеловесный плуг древнейшего устройства, в который впрягались 4–6 пар волов. На поднятый дерн высевали семена и заволакивали их бороною. После уборки хлеба для вторичного посева землю редко обрабатывали плугом, большей частью семена высевались на жнивье. Потом земля разрыхлялась трехсотным ралом. Правильный севооборот отсутствовал: засеивали одно и то же место до тех пор, пока истощенная земля не начинала производить один только бурьян. Сеяли озимые (пшеницу и рожь) и яровые (рожь, пшеницу, гречиху, просо, ячмень, овес, горох) культуры. Из овощей выращивали капусту, свеклу, картофель и др. Возделывали виноград. В 1893 году в станице имелось 317 усовершенствованных плугов

и 21 паровая молотилка [13]. В конце XIX века юрту станицы принадлежало 17700 дес. земли [14]. Крупными землевладельцами были А. Л. Лобода (155 дес.), В. В. Часовников (148 десятин), В. В. Чернов (141 дес.) [15].

Важную роль в экономической жизни Некрасовской играла торговля. Казаки с помощью своего хозяйства не могли обеспечить себя всем необходимым. Очень дорого стоило воинское снаряжение. На его покупку нужны были деньги, которые получали от продажи скота, продукции растениеводства и изделий ремесленного производства. Ежегодно в станице Некрасовской проходила ярмарка. Товары, нереализованные на ярмарке, передавались продавцам в местные лавки, число которых с каждым годом росло. В 1875 году в Некрасовской насчитывалось 11 торговых лавок и один общественный магазин (хлебный) [16]. В 1890 году в станице было 17 лавок, 4 кузницы, имелись небольшие мукомольные, маслобойные, кожевенные, кирпичные предприятия, принадлежащие как богатым казакам, так и предпринимателям из числа иногородних [17].

Кустарно-промышленные и ремесленные предприятия станицы Некрасовской представляли собой мелкие мастерские, занимающиеся главным образом переработкой продуктов сельского хозяйства. Исключением являлся кирпичный завод, принадлежащий казаку Степану Песакову [18]. Одним из основных считалось ткацкое производство. Изготавливался грубый пеньковый (посконный) холст, преимущественно для домашнего употребления. Работали в жилых помещениях. Особых приспособлений, кроме обыкновенных самопрялок и ткацких станков, не имелось. Материал для производства (пеньку) получали из собственных посевов конопли. Зимой изготавливали пряжу, а весной ткали холсты, с таким расчетом, чтобы успеть их выбелить до начала летних полевых работ. Ткачиха изготавливала в день от 7 до 15 аршин ткани. Дневной заработок ее колебался от 21 до 75 копеек [19].

К 1917 году наблюдается процесс уменьшения количества кустарных заведений, в связи с их укрупнением. Среди кустарей происходило имущественное расслоение: с одной стороны, появлялись богачи, которые укрепляли свои предприятия, с другой стороны, масса кустарей беднела.

Население Некрасовской не являлось однородным. Казаки были обеспеченнее иногородних. Наиболее богатые отселялись на хутора. В 1893 г. существовало 9 хуторов (Тюнин, Кадухин, Мухин, Кобазев, Маслов, Андреев, Овсянников, Ковалев, Семенов) [20]. Иногороднее население жило за счет аренды земли, а если на это не было средств, то оно шло в наем.

Процесс социально-экономической дифференциации наблюдался как среди иногородних, так и казачества, причем больше он проявлялся у иногородних. Замкнутое казачье землевладение,

неотчуждаемость войсковых земель сдерживали обеднение казачества, создавали условия для более быстрой пролетаризации иногородних. Увеличение наемных рабочих из числа иногородних значительно опережало увеличение их из среды казачества. Углубляющийся процесс дифференциации внутри казачьего сословия, а также между казачеством и иногородним населением приводил к росту социальной напряженности.

Идеи революционной борьбы прибывали в станицу с переселенцами и сезонными рабочими из центральных губерний России. Антиправительственные взгляды приносили с собой и казаки-станичники, служившие в царской армии и попавшие под влияние различных партий и революционных групп. События в стране, в том числе и на Кубани, в начале XX века оказали свое влияние и на станицу Некрасовскую.

После 9 января 1905 года революционные волнения охватили весь Кавказ. Массовые политические демонстрации и забастовки прошли в Екатеринодаре, Армавире, Ейске. В станицах получили распространение стачки многочисленной армии батраков. Иногородние крестьяне отказывались вносить посаженную плату, требовали наделения их землей. Так, иногородние крестьяне станицы Некрасовской в своем постановлении от 20 ноября 1905 года ходатайствовали о передаче казенной и частновладельческой земли, находящейся на Кубани, в пользование трудящимся в количестве, которое каждый может обработать своим трудом. Летом 1905 года в Москве был создан Всероссийский крестьянский союз, призванный защищать земельные интересы крестьян. Его организации сформировались и на Кубани (в том числе одна из них в станице Некрасовской). Жители Некрасовской участвовали в восстании 2-го Урупского конного казачьего полка (18 декабря 1905 г. – 7 февраля 1906 г.) [21].

По данным Всероссийской переписи населения 1917 года, в Некрасовской числилось 6922 жителя [22]. Большая часть населения станицы занималась сельскохозяйственным производством – 810 хозяйств (65,6% от общего их числа). К 1917 году в станице насчитывалось 30 торговых предприятий, 3 мельницы, маслобойный завод, кузница и 5 ремесленных мастерских. Большинство из них принадлежало иногородним жителям станицы. Более половины казачьих хозяйств имели от 2 до 4 голов рабочего скота. 80% иногородних хозяйств не имели рабочего скота, или у них его было по одной голове на хозяйство. Всего казаки имели 8145 единиц домашних животных, в то время как иногородние 1683. В одном хозяйстве был верблюд. Свой собственный сельскохозяйственный инвентарь имели 467 (69,3%) казачьих хозяйств и 144 (25,1%) – иногородних. Данные переписи указывают на то, что казачьи хозяйства в целом были более зажиточными, нежели иногородние. Впоследствии это обусловило рост социальной

напряженности, которая вылилась во время революций и последующей Гражданской войны в острый конфликт между казачеством и иногородним населением станицы [23].

Таким образом, история станицы Некрасовской является отражением истории России и сочетает в себе как характерные, так и специфичные ее черты.

Литература и источники

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 347. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.
2. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 9.
3. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1846. Л. 320; Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 39.
4. Материалы из фондов музея станицы Некрасовской.
5. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. 162. Л. 308; Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 39; Ф. 454. Оп. 7. Д. 625. Л. 25; Кубанская справочная книжка на 1883 г. Екатеринодар, 1883. С. 46; Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 185; Кубанский календарь на 1912 г. Екатеринодар, 1912. С. 71.
6. Материалы из фондов музея станицы Некрасовской.
7. История Кубани в датах (Материалы к хронологии Кубани). Краснодар, 1996. С. 17.
8. Материалы из фондов музея станицы Некрасовской.
9. Корреспонденция о пожаре церкви в станице Некрасовской // Кубанские областные ведомости. 1900. 2 фев. № 24. С. 3.
10. Копия телеграммы на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска (от 6 июня 1908 г.) // Кубанские областные ведомости. 1908. 26 июня. № 139. С. 1.
11. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. / под ред. Б. А. Трехбрatова. Краснодар, 1997. С. 328.
12. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 625. Л. 25; Д. 862. Л. 292; Ф. 460. Оп. 1. Д. 26. Л. 12; Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Екатеринодар, 1891. С. 185; Кубанская справочная книжка на 1894 г. Екатеринодар, 1894. С. 72.
13. Кубанская справочная книжка на 1894 г. Екатеринодар, 1894. С. 72.
14. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 161.
15. Кубанский календарь на 1911 г. Екатеринодар, 1912. С. 498.
16. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 2031. Л. 33.
17. Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 185.
18. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 12. Л. 205.
19. Горский Д. Некрасовская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 59–60.
20. Кубанский календарь на 1893 г. Екатеринодар, 1893. С. 72.

21. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. / Под ред. Б. А. Трехбрatова. Краснодар, 1997. С. 231; С. 97.

22. Матющенко П. П., Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. как источник социально-экономической характеристики сельского населения Кубани накануне социалистической революции // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.). Краснодар, 1984. С. 18.

23. ГАКК. Ф. Р.-234. Оп. 1. Д. 105. Л. 7; Л. 6; Л. 5.

References

1. Gosudarstvennyy arhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK) [State archives of the Krasnodar territory]. F. 347. Op. 1. D. 8. L. 92.
2. Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubany (1793–1985 gg.) [Main administrative and territorial transformation in Kuban (1793–1985 gg.)]. Krasnodar, 1986. S. 9.
3. GAKK. F. 252. Op. 1. D. 1846. L. 320; F. 318. Op. 1. D. 512. L. 39.
4. Materialy iz fondov muzeya stanitsy Nekrasovskoy [Materials from the collections of the Nekrasivska village museum].
5. GAKK. F. 252. Op. 1. 162. L. 308; F. 318. Op. 1. D. 512. L. 39; F. 454. Op. 7. D. 625. L. 25; Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1883 g. [Kuban background book on 1883 year]. Yekaterinodar, 1883. S. 46; Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1891 g. Yekaterinodar, 1891. S. 185; Kubanskaiy kalendar' na 1912 g. [Kuban calendar on 1912 year]. Yekaterinodar, 1912. S. 71.
6. Materialy iz fondov muzeya stanitsy Nekrasovskoy.
7. Istoriya Kubany v datah (Materialy k khronologiy Kubany) [History of Kuban in dates (contributions to the history of Kuban)]. Krasnodar, 1996. S. 17.
8. Materialy iz fondov muzeya stanitsy Nekrasovskoy.
9. Korrespondentsiya o pozhare tserkvy v stanitse Nekrasovskoy [Correspondence about the fire of the Church in the village Nekrasivskaya] // Kubanskiye oblastnye vedomosti. 1900. 2 fevr. № 24. S. 3.
10. Kopiya telegrammy na imya nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska (ot 6 iunya 1908 g.) [A copy of a telegram addressed to Kuban Cossack Army commanding (from June 6, 1908)] // Kubanskiye oblastnye vedomosti. 1908. 26 iunya. № 139. S. 1.
11. Entsiklopedicheskiy slovar' po istoriy Kubany s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda [Encyclopedic Dictionary of Kuban history from ancient times to October 1917] / sost., nauch. red., ruk. avt. kol. B. A. Trekhbratov Krasnodar, 1997. S. 328.
12. GAKK. F. 454. Op. 7. D. 625. L. 25; D. 862. L. 292; F. 460. Op. 1. D. 26. L. 12; Pam'atnaya knizhka Kubanskoy oblasti na 1881 g. [A commemorative book on the Kuban region on 1881 year]. Yekaterinodar, 1891. S. 185; Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1883 g. Yekaterinodar, 1894. S. 72.
13. Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1894 g. Yekaterinodar, 1894. S. 72.
14. GAKK. F. 252. Op. 2. D. 162. L. 161.
15. Kubanskaiy kalendar' na 1911 g. Yekaterinodar, 1912. S. 498.
16. GAKK. F. 454. Op. 7. D. 2031. L. 33.
17. Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1891 g. Yekaterinodar, 1891. S. 185.

18. GAKK. F. 460. Op. 1. D. 12. L. 205.

19. *Gorskiy D.* Nekrasovskaya stanitsa [Nekrasovskaya village] // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza. Tiflis, 1889. Vyp. 8. S. 59–60.

20. Kubanskaiy kalendar' na 1893 g. Yekaterinodar, 1893. S. 72.

21. Entsiklopedicheskiy slovar' po istoriy Kubany s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda ... S. 231; S. 97.

22. *Matushenko P. P., Ratushnyak V. N.*

Sel'skohozyajstvennaya i pozemel'naya perepis' 1917 g. kak istochnik sotcial'no-ekonomicheskoy karakteristiki nasele-niya Kubany nakanune sotcialisticheskoy revolutsiy [Agriculture and land census of 1917 year as a source of socio-economic characteristics of the rural population of Kuban on the eve of the revolution] // Oktyabr'skaya revolutsiya i izmeneniya v oblike sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza (1917–1929 gg.). Krasnodar, 1984. S. 18.

23. GAKK. F. P-234. Op. 1. D. 105. L. 7; L. 6; L. 5.

УДК 379.822 (470.620)

З. Д. МУРТУЗОВА,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель Краснодарского государственного
университета культуры и искусств

ЭККУРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КУБANO-ЧЕРНОМОРЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируется культурно-образовательная работа в начале XX века, в частности – организация познавательных экскурсий, которые не прекращались даже в период военных действий.

Ключевые слова: Первая мировая война, экскурсионная деятельность на Юге России, культурные учреждения.

UDK 379.822 (470.620)

Z. D. MURTUZOVA,

candidate of Historical sciences,
senior lecturer of Krasnodar State University
of Culture and Arts

EXCURSION ACTIVITIES IN THE KUBAN-BLACK SEA COAST DURING THE FIRST WORLD WAR

Examines the cultural and educational work in the early XXth century, in particular organization of excursions, which continued even during the hostilities.

Key words: First World war, excursion activities in southern Russia, cultural institutions.

Одним из видов дополнительного внешкольного образования учащихся в начале XX века было проведение экскурсий. Это направление стало популярными благодаря своей занимательности, возможность выбора тематики в соответствии с интересами и вкусами каждого из участников, наглядности и познавательности. Неслучайно петербургский профессор И. М. Гревс подчеркивал: дальняя экскурсия «должна оставаться особым, заслуженным событием школьной жизни [1].

Известный экскурсионист В. А. Герд дает точное определение: «Экскурсия – это форма общественно-просветительной работы, при которой группа лиц (экскурсантов) под руководством более сведущего лица (руководителя) изучает тело или явление в его естественной обстановке,

отправляясь с этой целью к объекту своего изучения [2]. Широкому распространению экскурсионной практики в Кубано-Черноморье способствовали публикации о проведенных экскурсиях в Известиях ОЛИКО, записках Крымско-Кавказского горного клуба, сборниках отчетов об экскурсиях в Кавказском учебном округе, периодических изданиях, рекламе, путеводителях.

В годы 1-й Мировой войны экскурсионная деятельность не прекращалась, несмотря на трудности, состоялись паломничества к святым местам, природоведческие и многодневные путешествия. Так, в 1914 году для студентов Высшего начального училища станицы Владимирской и других желающих организовали поездку в Новый Афон и Дандры. Учащимся Ладожского, Темрюкского